

8н(фр)
Р-94

И. РЫКОВА

**СОВРЕМЕННАЯ
ФРАНЦУЗСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ГОСЛИТИЗДАТ

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
79	11 св.	gallitemen	gallieement
129	6 св.	Паскари	Псикари
186	9 св.	сказывается	оказывается
280	7 св.	— страна	— „страна
358	8 св.	qout	bout
420	16 св.	„Каптан	„Капитан
474	5 св.	становится	становишься

„Современная французская литература“

83.3 (400)

83.3 (400)

P 94

P-94

Н. РЫКОВА

СОВРЕМЕННАЯ
ФРАНЦУЗСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

∞

осл. в ф

БИБЛИОТЕКА 6314
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РУКОВОДЯЩИХ И ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Государственное издательство
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Ленинград 1939

84
Р-94

Переплет и титул
Н. О. Мунц

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю работа представляет собой очерк развития современной французской литературы приблизительно с начала 90-х годов прошлого столетия и до наших дней.

Один из основных моментов культурной жизни современного Запада (в частности и в особенности Франции) — это мобилизация всех общественно-прогрессивных сил против фашизма как самого агрессивного выражения буржуазной реакции. Включаясь в антифашистский фронт, левые и революционные писатели Запада не ограничиваются публицистическими выступлениями, декларациями, манифестами, они идут в самую гущу борьбы, они отправляются на фронт уже в самом прямом смысле слова, — как это сделал Людвиг Ренн, сражавшийся в Испании на стороне республики, или Ральф Фокс, погибший там же, сражаясь в рядах республиканской армии, или Андре Мальро, командовавший одной из воздушных эскадрилий Испанской республики. Но этого мало. Антифашистские писатели делают и то, что, быть может, в условиях буржуазного идеологического окружения им делать не менее трудно, чем идти на передовые позиции: они пытаются создавать — и создают — новую революционную литера-

туру, вернуть искусству Запада утраченные им в эпоху империализма качества: высокую гражданственность (в лучшем смысле этого слова), общезначимость, народность, наконец — подлинный, полноценный реализм.

Борьба за реализм — вот основное содержание литературного процесса на Западе в переживаемую нами эпоху. Не следует, однако же, думать, что все эти проблемы — народность, общезначимость, социальный реализм — стали перед писателями Запада — и в частности перед французскими писателями — только сегодня. Именно французская литература с начала текущего столетия являет собой своеобразную арену борьбы за социальное искусство, — и это несмотря на то, что французская буржуазная литература эпохи империализма с наибольшей четкостью и полнотой отразила в себе все моменты, характерные для эпохи декадентской, эпохи загнивания и упадка. В конце XIX века, в 90-х годах, утвердилась и достигла своего, если можно так выразиться, «расцвета» реакция против реализма XIX века, как искусства общественно-прогрессивного. Но уже в те же годы появляются первые произведения Ромена Роллана, поднимающие знамя гражданственности и гуманизма, а в начале текущего столетия борьба за гражданственность, за радикальный гуманизм принимает во французской литературе отчетливую форму борьбы против декадентства. Каково было отношение писателей-гуманистов к реалистической традиции, в частности к творчеству последнего из великих социальных реалистов XIX века — Зола? Ниже (гл. III) мы будем говорить о причинах, помешавших им «принять» Зола и осознать свои связи с социальным реализмом второй половины прошлого столетия. Однако, по существу дела, они являлись его продолжателями:

недаром в наши дни литература народного фронта снова поднимает на щит Зола с его реализмом «широкого социального охвата», с его критикой капитализма, и Ромен Роллан решительно пересматривает свою былую оценку автора «Жерминаля», а Жюль Ромен пишет о «Зола и его примере».

В первые довоенные годы XX века литературный процесс протекает таким образом, что социальное утрачивает свою гегемонию, общественная и политическая проблематика возвращается в литературу в своем самом непосредственном виде, и — как слева, так и справа — начинаются попытки найти для нее наивозможно более эффективное выражение, т. е. начинаются поиски какого-то нового реалистического стиля.

Наша задача состоит в том, чтобы показать, как это не удалось и не могло удасться писателям, пытавшимся так или иначе оправдать теорию и практику буржуазной реакции и империалистической агрессивности, а также почему не сумело увенчать победой свою борьбу за социальный реализм то течение, которое представляет литературу довоенного радикального гуманизма, и какие подлинные выходы к новому реалистическому стилю намечаются уже в переживаемую нами эпоху. При этом, конечно, нельзя упускать из вида, что (мы говорим о предвоенных годах) апологеты реакции и гуманисты боролись против декаданса по-разному. Первые были слишком тесно связаны с литературой упадка и разложения, чтобы ломать копья за реализм по-настоящему. Литературные явления, о которых мы будем говорить в первой главе, и те, которые интересуют нас во второй, — по сути дела лишь две стороны одного и того же... Поскольку основной проблемой представляется нам проблема борьбы за реализм и против него, проблема стиля, — мы отво-

дим довольно много места таким мало известным у нас писателям, как Поль Адан, — весьма характерный пример того, как представляла себе трактовку «социальной темы» империалистическая литература. Отчасти по той же причине большое место уделено анализу творчества Пруста, но кроме того Пруст настолько «требующий толкования» писатель и в то же время настолько важный для характеристики того тупика, в который заходят даже лучшие художники буржуазии, что сказать о нем мало — значит не сказать ничего. Думается, что наши указания на то, почему, будучи столь очевидно писателем декаданса, Пруст остается все же крупным художником, не могут быть поняты как апология Пруста.

К писателям, работавшим и в довоенное и в послевоенное время, пришлось подходить по-разному. Некоторых целесообразно оказалось «раздробить» (в том случае, когда их творческая эволюция делится на довольно резко отличные друг от друга этапы, при этом характерные для отдельных этапов всего литературного процесса в целом): так поступили мы с Роменом Ролланом, с Жюлем Роме-ном и вообще с «унанимистами». Других пришлось отнести либо к довоенной, либо к послевоенной эпохе в том случае, когда это можно было сделать с одинаковым правом: вот почему тот же Пруст, Пьер Амб или братья Таро отнесены к 20-м годам, Клодель фигурирует во второй главе и т. д.

Конечно, в такой работе, как наша, невозможно было дать характеристику творчества всех без исключения сколько-нибудь выдающихся или интересных писателей, — о некоторых из них не пришлось даже упомянуть. Однако нам кажется, что ни одно из существенных для развития современной фран-

цузской литературы явлений в этой работе не обойдено.

Невозможно было также избежать здесь индивидуальной оценки и некоторого в ней субъективизма: при анализе текущего литературного процесса всегда могут возникнуть разногласия относительно большей или меньшей важности и значительности того именно, а не иного, явления, того, а не иного, «творчества»; удельный вес отдельных писателей может расцениваться по-разному.

Впрочем, все эти замечания не ставят себе целью «ответить» будущим критикам. Нет никакого сомнения, что в этой работе имеется ряд минусов, упущений, ошибок, которых автор ее сам не замечает: всем, кто укажет на них, он будет только признателен.

«БАШНЯ ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ»

1

Быть может еще ни одна историческая эпоха не давала такого отчетливого параллелизма, такого единства в направленности развития буржуазных идеологий в разных странах, как последние два десятилетия минувшего века и начало текущего. Явления, характерные для империализма как завершительного периода капиталистической эволюции, возникли почти одновременно и в Англии, и во Франции, и в Германии, и в США, и даже в отсталой Италии или России. Разумеется, в каждой стране они имели свою специфику. Однако все частности и особенности политического и культурного переворота буржуазии разных стран имели один смысл и одну направленность, ибо в основе их лежало одно и то же. Конец свободной конкуренции в области хозяйственных отношений означал неизбежность и необходимость ликвидации того, чем освящалась эта капиталистическая конкуренция в плане «высоких» философских и этических обобщений, ликвидации всей системы буржуазного гуманизма, всех ренессансных и просвети-

правду и неблагополучие буржуазного мира и идущие на выучку к рабочим. Французская буржуазная критика любит упрекать Арагона за его будто бы «схематизм»: у него, мол, все ясно — буржуа плохие, рабочие хорошие, да и однообразен Арагон, ибо поведение и судьба Катерины Симонидзе и Армана Барбентана одинаковы, оба они приходят к социализму. Но мы не имеем права судить столь абстрактно (о пристрастности буржуазной критики я уже не говорю). Конечно, нам тема интеллигента, идущего в революцию, не может казаться новой, но для революционной литературы сегодняшней Франции это подлинная злоба дня, это ее сегодняшняя правда, более того — это тематический ключ для того, чтобы впустить в литературу целый мир правды исторической. Опыт Арагона — это опыт создания большого историко-политического романа, и только так мы и можем его рассматривать. Если он не во всем удачен, то лишь потому, что Арагон невольно уступает уже сложившейся в новой реалистической литературе традиции: так, в «Богатых кварталах» он нередко «съезжает» с большой историко-политической темы к теме буржуазного разложения и распада, особенно в последней части романа. В «Базельских колоколах» намечена более верная линия, предвоенная Франция показана в ней — в общем — более широко и щедро.

Думается, нет особого смысла объяснять, что «политический роман» вовсе не означает агитки. Борьба за историко-политическую тему и значит бороться за высокий реализм:

от этого не может уйти литература, стоящая на страже человеческого достоинства и человеческой культуры в тех странах, где писатели могут вести такую борьбу. Что это так — показывает практика писателей народного антифашистского фронта, показывает — в частности — творчество Арагона, Леона Муссинака, идущего от критики «мятущегося интеллигента» в «Очертя голову» («La tête la première», 1931) к политически актуальной теме в «Запрещенной демонстрации» (1934), Поля Низана и др. Чрезвычайно показателен пример Низана: его удачи и неудачи весьма характерны и для направления, которое принимает революционная литература, и для трудностей, которые ей приходится преодолевать. Мы имеем в виду его «Антуана-Блуайе» (1933) и «Троянского коня» («Le cheval de Troie», 1935). Конечно, «Антуан Блуайе» написан лучше, эта история выходца из рабочей семьи, который отрывается от своего класса, от его судьбы, его бедствий и надежд, который делает карьеру и окупает все свои достижения опустошенностью, внутренним одичанием и тоской, была творческой победой Низана, но победой, которую было сравнительно нетрудно одержать. Другое дело — «Троянский конь». Здесь темой романа является борьба рабочих против фашизма, действие происходит в 1934 году. И, надо сказать, многое писателю удалось. Удалось прежде всего внести в книгу дух нашей эпохи; мелкий, почти будничны́й факт — столкновение двух демонстраций, фашистской и антифашистской (во главе которой идут рабочие коммуни-

сты) — наделен все той же значительностью исторической и интернациональной, которую он действительно имел в годы венских баррикад, трагедии Овьедо и военно-фашистского мятежа в Испании. Низановский Вильфранш, в котором разыгрывается действие романа, — очередной провинциальный город, каких в новой французской литературе много, но у Низана он стоит на перекрестке больших дорог истории. Удалось также показать рабочих и как «простых людей» — людей простой любви, простой вражды, простых потребностей — и в то же время как «творцов истории», сознающих свои большие задачи. Политическая работа и борьба, товарищеское общение рабочих-коммунистов друг с другом вводят их в мир, где существует полнота человеческого достоинства, в мир, свободный от мистификаций и тайн. Но вся эта линия развития темы набросана еще слишком бегло, все это ощущается, но еще не приобрело настоящей художественной полнокровности. Поэтому так выпирает вторая линия — философских медитаций о смерти. Довольно неожиданно повествование о борьбе рабочих за новую жизнь становится книгой о смертях, о мертвых, о том, когда легко и когда трудно умирать. Правда, Низан переводит эти пессимистические мотивы в план революционного оптимизма: смерть в борьбе не страшна, ибо она осмысленна. «Сперва можно будет уничтожить все, что несправедливо лишает жизни, а затем, когда перед нами будет только та смерть, в которой никто не повинен, надо будет попытаться и ей придать какой-то

«Смысл» — говорит один из его героев на последних страницах книги. Но тем не менее лирико-философская струя, сама по себе законная и уместная, как бы смывает и пропитывает всю художественную, образную ткань романа, разжижает тему, ослабляет ее политическую остроту и обедняет реализм Низана.

Французская революционная и антифашистская литература находится у начала своего пути. Судьбы ее, разумеется, самым тесным образом связаны с судьбами антифашистского и революционного движения во Франции (да и в других странах Запада). В лагере этой литературы находятся самые разнообразные писатели, пришедшие в него из самых различных общественных, литературно-общественных, литературных групп и группировок. Все они объединены искренней ненавистью к фашизму и реакции, искренней убежденностью в том, что мир, в котором они живут и работают, в котором им трудно, даже невозможно работать, «надо не только понять, но и изменить». Но, разумеется, не для всех из них революционный или антиреакционный антифашистский путь будет одинаково ровным и легким, не все смогут пройти по нему до конца. Вероятно, и у тех из них, кто крепко держит в руках знамя нового мира и кто, несмотря ни на какие колебания, будет нести его до конца с честью, доблестно, — не раз дрогнут руки.

Все это возможно, и со всем этим надо считаться. Однако факт несомненен: если в настоящее время литературную культуру

Запада (в частности и в особенности — французскую) что-либо выводит из ее теплиц и тупиков, если что-либо способно вернуть ей благородную широту и глубину зрения и чувства, подлинную общезначимость и народность, если что-либо способно освободить ее от проклятия литературщины — то это молодая литература, воодушевленная лозунгами о революционном изменении мира. Характерное явление: лучшее качественно, что дает в настоящее время французская литература, рождается в недрах революционного творчества, все наиболее живые и плодотворные открытия и изобретения — все настоящее новаторство — делаются в пределах нарождающегося нового реализма.

Пафосом классического буржуазного реализма XIX века, лучшие достижения которого принадлежат Франции, было познание мира. Тут лежали его границы. Как ни велики были Бальзак, Стендаль, даже Флобер, — реализм нашей эпохи не может оставаться на их позициях. Он должен сказать новое слово: ведь его задача — правдиво показать, как изменяется мир, и активно помогать его изменению.

ТЕКСТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Блок, Жан-Ришар. И компания. Роман. М. Гослитиздат, 1935.

Гийу, Луи. Черная кровь. Роман. М. Гослитиздат, 1937.

То же. М. Жургазобъединение, 1937. Вып. I—II.

Мартен Дю-Гар, Роже. Семья Тибо, Перев. с французского, тт. I—II. Л. Гослитиздат, 1936.

- Старая Франция. Л. «Время», 1934.
- Д а б и, Э й ж е н. Зеленая зона. Роман. Л. Гослитиздат, 1937.
- Д ю а м е л ь, Ж. Гора Хорив. Роман. Под ред. Т. А. Новикова. М.—Л. Гиз, 1927, 174 (2) стр.
- Двое. Л. «Сеятель», 1925, 189 стр.
- Дневник Салавэна. Роман. М.—Л. Гиз, 1927, 192 стр.
- Дневник святого. Роман. Авторизованный перевод. М. «Круг», 1927, 258 (2) стр.
- Цивилизация. 1914—1917. Рассказы. Пг. Гиз, 1923, 200 стр.
- Жизнь мучеников. М. «Зиф», 1924, 137 стр. Изд. 2-е. М. 1925.
- Записки доктора Кошуа. Рассказы. М.—Л. «Зиф», 1930, 110 (2) стр.
- Игры и утехы. Л. «Мысль», 1925, 160 стр.
- Любовные дела Понсо. Рассказы. 1914—1917. М. Гиз, 1926, 63 стр.
- Любовные дела Понсо. Рассказы. 1914—1917. 2-е изд. М.—Л. Гиз, 1927, 58 (2) стр.
- Новеллы. Ред. М. Эйхенгольц. М. «Огонек», 1926, 44 стр.
- Отрешенные. Л. Гиз, 1925, 184 стр.
- Письма к моему другу патагонцу. М.—Л. Гиз, 1927, 148 (3) стр.
- Полуночная исповедь. Пг. Гиз, 1923, 182 стр.
- Принц Жаффар. Роман. Л. «Время», 1925, 232 стр.
- Скала Хорива. Роман. М. «Новая Москва», 1926, 173 (3) стр.
- Д ю а м е л ь, Ж. и И. В и л ь д р а к. Теория свободного стиха. (Заметка о поэтической технике.) М. «Имажинисты», 1920, 48 стр.
- У истоков жизни. (Воспоминания о Кюйбе и Туппе.) Л. Гиз, 1925, 153 стр.
- Д ю р т е н, Л ю к. Голливуд. Роман. Л. «Прибой», 1928, 191 стр.
- Желтые люди и белые боги. Очерки. М. Жургазобъединение, 1937, 32 стр.
- Завоевание мира. Рассказы. М. Гослитиздат, 1937, 286 (2) стр.
- Миллион двести тысяч. Харьков, «Пролетарий», 1928, 252 (2) стр.

- На стальном коне. Роман. М.—Л. Гиз, 1926, 96 стр.
- Сороковой этаж. Повесть. Предисл. А. Барбюса. М. «Федерация», 1928, 222 (2) стр.
- Жионо, Жан. Радость. М. Гослитиздат, 1936.
- Песня земли. М. Гослитиздат, 1935.
- Большое стадо. Холм. М. Гослитиздат, 1934.
- Кассу, Жан. Кровавые дни Парижа. Роман. М. Жургазобъединение, 1937.
- Растерзанный Париж. М. Гослитиздат, 1938.
- Мальро, Андре. Годы презрения. Роман. М. Гослитиздат, 1935.
- Реми, Тристан. Окраина Парижа (отрывок из романа). М. Жургазобъединение, 1934, 63 стр.
- Клиньянккурские ворота. Роман. М.—Л. «Зиф», 1930, 96 стр.
- Ромен, Жюль. Белое вино ла-Виллет. Силы Парижа. Л. «Academia», 1925, 267 стр. (Собр. соч., т. III)
- Бог плоти. Л. «Academia», 1930, 244 стр.
- Диктатор. Деметриос. Амедей и господа в ряд. Л. «Academia», 1927, 223 стр. (Собр. соч., т. VIII.)
- Ив ле-Труадек. Трилогия. Доногоотонка, или чудеса науки. М-сье ле-Труадек, предавшийся распутству. Женитьба ле-Труадека. Л. «Academia», 1926, 416 стр. (Собр. соч., т. VI.)
- Кнок, или торжество медицины. Пьесы. Л. «Academia», 1926, 160 стр. (Собр. соч., т. VII.)
- Люсьена. Роман. Л. «Academia», 1925, 305 стр. (Собр. соч., т. IV.)
- Приятели. Роман. Л. «Academia», 1925, 185 стр. (Собр. соч., т. V.)
- Чья-то смерть. Роман. Л. «Academia», 1925, 161 стр. (Собр. соч., т. II.)
- Люди доброй воли; т. I. Шестое октября. Л. «Время», 1933. Люди доброй воли; т. II. Преступление Кинэта. Л. «Время», 1933. Люди доброй воли; т. III. Детская любовь. Л. «Время», 1933. Люди доброй воли; т. IV. Парижский Эрос. Л. «Время», 1933.
- Роллан, Ромен. Собрание сочинений. Л. «Время», Гослитиздат, 1931—1936; т. I. Жан-Кристоф, ч. 1—2; т. II. Жан-Кристоф, ч. 3—4; т. III. Жан-Кристоф, ч. 5—6; т. IV. Жан-Кристоф, ч. 7—8; т. V. Жан-Кристоф, ч. 9—10.

Т. VI. Очарованная душа. Кн. 1—2 (Аннета и Сильвия. Лето); т. VII, кн. 3. Мать и сын; т. VIII. Очарованная душа. Кн. 4 (Провозвестница, ч. 1); т. IX. Очарованная душа. Кн. 5 (Провозвестница, ч. 2); т. X. Кола Брюньон. Лилюли; т. XI. Пьер и Люс. Клерамбо; т. XII. Народный театр. Драмы о революции; т. XIII. Драмы о революции. Трагедии веры; т. XIV. Героические жизни; т. XV. Гете и Бетховен; т. XVI. Музыканты прошлых дней. Музыканты наших дней; т. XVII. Гендель. Музыкальное путешествие в страну прошлого; т. XVIII. Над схваткой. Предтечи; т. XIX. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды; т. XX. Вселенское евангелие Вивекананды. Махатма Ганди.

Очарованная душа. Тт. I—IV. Л. Гослитиздат, 1936—1937.

Жан-Кристоф. Рисунки Ф. Мазереля. Тт. I—II. Л. Гослитиздат, 1936—1937.

На защиту нового мира. Сборник боевых статей. Л. «Время», 1932.

Кола Брюньон. Рис. Кибрика. Л. Гослитиздат, 1936.

Арагон, Л. Базельские колокола. М. Гослитиздат, 1937.

Низан, П. Троянский конь. М. Жургазобъединение, 1937.

ЛИТЕРАТУРА

а) На иностранных языках

- 1) *Lalou, R.* Histoire de la littérature française contemporaine (1870—1925). P. 1931.
- 2) *Faij, B.* Panorama de la littérature française contemporaine. P. 1929.
- 3) *Bergé, A.* L'esprit de la littérature moderne. P. 1930.
- 4) *Mornet, D.* Histoire de la littérature et de la pensée française contemporaines (1870—1925). P. 1927.
- 5) *Billy, A.* La littérature française contemporaine. Poésie-roman-idées. P. 1928.
- 6) *Curtius, E. R.* Französischer Geist im neuen Europa. Stuttgart. 1925.
- 7) *Curtius, E. R.* Die literarischen Wegbereiter des neuen Frankreich. Potsdam. 1923.
- 8) *Crémieux, B.* Le XXme siècle. Première série. P. 1924.
- 9) *Klemperer, V.* Die moderne französische Prosa (1870—1920). Studie und erläuterte Texte. Leipzig u. Berlin. 1925.
- 10) *Spiezer, L.* Stilstudien. B. II. Stilsprachen. München. 1928.
- 11) *Retté, A.* Le symbolisme. P. 1903.
- 12) *De Gourmont, R.* Le livre des masques. 2 vv. P. 1908.
- 13) *Thibaudet, A.* Gustave Flaubert. P. 1922.
- 14) " " Le bergsonisme. P. 1923.
- 15) " " La poésie de Stéphane Mallarmé. P. 1926.
- 16) *Thibaudet, A.* La vie de Maurice Barrés. 2 vv. P. 1921.
- 17) *Pierre-Quint, L.* Marcel Proust, sa vie, son oeuvre. P. 1925.
- 18) *Crémieux, B.* Du côté de Marcel Proust. P. 1929.
- 19) *Cuisenier, A.* Jules Romains et l'unanimité. P. 1935.
- 20) *Kerber, K.* Charles Louis Philippe. Leipzig. 1931.

б) На русском языке

Гальперина, Е. Курс западной литературы XX в. М. Учпедгиз, 1934.

О Г Л А В Л Е Н И Е

От автора	3
Гл. I. «Башня из слоновой кости»	9
„ II. Литература «креста и меча»	77
„ III. Защита человека	142
„ IV. Война и послевоенный кризис	227
„ V. Послевоенные судьбы буржуазной литературы	274
„ VI. Кризис гуманизма и путь к революции	384
Литература	495

Редактор Д. Обломиевский. Худож.-технич. редакция
З. Кореньюк, Корректор О. Ладышкина.
Леноблгорлит № 375. Тираж 5000. Сдано в набор 21/VII 1938 г.
Подписано к печати 23/III 1939 г. Форм. бум. 70×92¹/₃₂. Уч.-авт. л. 18,33.
Авт. л. 18,31. Печ. л. 31. Бум. л. 7³/₄. Тип. зн. на 1 бум. л. 99,072.
Цена 3 р. 70 к. Переплет 80 к. Заказ № 8386.

Набрано и отпечатано в типографии «Ленинградская правда»
Ленинград, Социалистическая 14.

~~4 р. 50 к.~~